

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 928(470.5):001

ОТ ЛЮБИТЕЛЬСТВА К НАУКЕ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИЙ УРАЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ-КРАЕВЕДОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕНЫХ

Т. А. Набокина

Институт гуманитарного образования Челябинского государственного университета, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129
nabokina.tatyana@gmail.com

Рассматриваются коммуникации крупнейших историко-краеведческих обществ Урала – Оренбургского, Уфимского и Пермского статистических комитетов, Оренбургского отделения Русского географического общества, Уральского общества любителей естествознания, Оренбургской и Пермской ученых архивных комиссий. Подчеркивается значение установления связей уральских краеведов и профессиональных историков. Их важность определяется взаимообогащением социально ориентированного и научного типов знания.

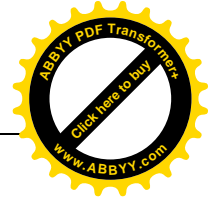
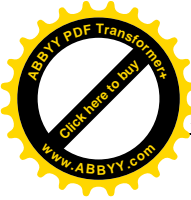
Ключевые слова: коммуникация, краеведение, краеведческие общества, краевед, историки Урала, переписка, рецензирование, дискуссия.

Формирование личности краеведа¹, его мировоззрения, взглядов на исторические проблемы происходило в той или иной интеллектуальной среде. Различная мотивация деятельности краеведов способствовала выстраиванию разноплановых научных коммуникаций, которые могут служить маркером эффективности функционирования историко-краеведческого сообщества. Чем больше способов передачи и обмена информацией, тем продуктивнее работа историко-краеведческого сообщества. В связи с этим рассмотрим коммуникации, возникающие в среде краеведов в рамках провинциального социума и выходящие за его пределы, с профессиональным сообществом. В статье предпринята попытка определить значение различных коммуникативных площадок и каналов для трансформации интеллектуальной среды и обеспечения исследовательской активности сложившегося в начале XX в. историко-краеведческого сообщества Урала.

В современной историографии происходит дробление ее проблемного поля и появляются выходы в историю повседневности, новую социальную историю, интеллектуальную историю и т.д. Члены историографического сообщества по-разному воспринимают этот процесс – от констатации кризиса до оптимистического восприятия инноваций в историографии. В. П. Корзун разделяет мнение последних, считая, что они предполагают «смену дисциплинарного типа мышления рефлексивным» [Корзун, 2011, с. 291]. Он полагает, что проблематика коммуникативного поля исторической науки является отражением, иллюстрацией и программой поиска нового образа историографии. Исследователи стремятся восстановить общий интеллектуальный контекст эпохи, изучить инфраструктуру производства и распространения исторического знания, коммуникативное пространство и формы межличностных коммуникаций.

Проблеме научных коммуникаций в российской провинциальной археологии посвящена диссертация К.В. Ванюшевой, которая пришла к выводу, что в конце XIX – 20-х гг. XX в. в России коммуникативными площадками для внутригруппового общения археологов были археологические институты, научные общества, всероссийские и областные археологические съезды, университеты, печатные издания [Ванюшева, 2014]. Они влияли на выбор модели взаимодействия ученых – коммуникация, соавторство, наставничество, коллегиальность. Базой развития профессиональной деятельности историк считает формальную коммуникацию, представленную монографическими публикациями и статьями в периодических и продолжающихся изданиях.

Коммуникация является значимым условием формирования личности ученого и его ценностных ориентаций. Важно отметить, что данная проблема получила широкое освещение в социологии науки. Она разрабатывалась Н. Луманом, Р. Штихве, П. Бурдые, Ю. Хабермасом,

Р. Коллинзом [Луман, 1994; Штихве, 1998, 1999; Бурдые, 2005; Хабермас, 2001; Коллинз, 2002]. Рассмотрение проблемы научных коммуникаций позволяет актуализировать изучение интеллектуального потенциала исследовательской мысли в историко-краеведческих обществах. Большой интерес представляет «историографический быт» историков-краеведов [Алеврас, 2011, с. 516–534].

В данной статье обращено внимание на взаимодействие двух типов знаний – социально ориентированного, носителями которого выступают историки-краеведы, и научного, представленного профессиональными учеными. Впервые попытку идентифицировать и развести значение этих типов знания предприняли историки С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева [Маловичко, Румянцева, 2012а, с. 274–290; 2013а, с. 238–241; 2012б, с. 3–10]. Они пришли к выводу о том, что «при изучении соотношения разных типов историописания работает базовый принцип источниковедения, применяемый при определении видовой природы исторического источника, – целеполагание» [Маловичко, Румянцева, 2013б, с. 8]. Авторы в ряде своих исследований подчеркивают, что историческое знание, направленное на удовлетворение потребностей социума и не базирующееся на принципах исторической науки, является знанием социально ориентированным. Этому типу исторического знания соответствует так называемая местная история (историческое краеведение), которая конструирует историческое знание о прошлом для удовлетворения потребностей локального социума. Вместе с тем они заметили, что носители социально ориентированного знания стремятся действовать исследовательский аппарат науки.

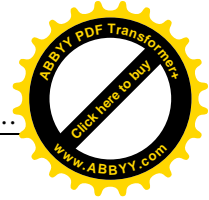
Сложность взаимоотношений двух типов знания применительно к изучаемому времени проявляется в стремлении местных историков-любителей к заимствованию опыта исследователей-профессионалов. В связи с отсутствием в провинции профессиональных историко-научных кадров историки-краеведы инициируют коммуникативные практики с историками-учеными².

Во второй половине XIX – начале XX в. отмечались изменения в повседневности горожан, рост европейского и столичного культурного влияния. Историко-краеведческие организации Урала являлись центрами распространения научных знаний в области истории. Это способствовало повышению уровня образования и грамотности городского населения, а также популяризации научных знаний и внедрению их в социальную среду. Во второй половине XIX в. провинциальные исследователи знакомились с профессиональными историками через периодику. Краеведы оформляли подписку на журналы «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник»³ и др. Периодика давала возможность любителям истории приобщиться к научному опыту. Она знакомила с актуальной проблематикой и научными методами исследования, играла роль ориентира в исследовательской работе.

Уральские краеведческие организации в своей деятельности использовали различные коммуникативные практики, площадки и стратегии. Среди них – межличностное общение и переписка, публикация результатов исследования и цитирование, выступление на заседаниях общероссийских или провинциальных краеведческих обществ, совместные исследовательская работа и рецензирование.

Работа историко-краеведческих обществ проходила в форме заседаний с обсуждением докладов о результатах деятельности общества, о предстоящих знаковых для губернии событиях, заставляющих отыскивать их исторические корни. На заседаниях обществ представлялись рецензии, осуществлялась презентация краеведческих исследований⁴. Провинциальные общества были заинтересованы в горизонтальной коммуникации для достижения общей цели. В коммуникативную схему входили схожие по направленности организации (Оренбургский, Уфимский и Пермский статистический комитеты, Оренбургская и Пермская ученые архивные комиссии) с обоюдными интересами (Оренбургский отдел Русского географического общества, Оренбургский отдел статистического комитета и Оренбургская ученая архивная комиссия, заинтересованные в изучении Оренбургской губернии; Уральское общество любителей естествознания и Пермская комиссия Уральского общества любителей естествознания, исследующие Пермскую губернию).

Особые отношения складывались между Уральским обществом любителей естествознания (УОЛЕ) и его филиалом – Пермской комиссией. Общество координировало деятельность своего отделения. Отношения между ними были весьма натянутыми, отражавшими административное превосходство УОЛЕ в Екатеринбурге. В одном из деловых писем секретарь УОЛЕ отмечал: «Некоторые действия Комиссии неправильные: израсходование членских взносов без согласия Общества, печатание отчетов и сообщений, ранее одобренных Обществом, без согласия Общества,

оставление в Перми жертвенных предметов» (ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 5. Л. 12). О. Е. Клер во всех действиях Пермской комиссии усматривал стремление к независимости и просил ее не выходить за рамки устава Общества, не осуществлять никаких самостоятельных действий. Пермская ученая архивная комиссия (ПУАК), напротив, демонстрировала равноправие по отношению к Пермской комиссии УОЛЕ (ПК УОЛЕ). Комиссии обменивались научными изданиями. ПУАК оказывала материальную помощь ПК УОЛЕ: «Пермская комиссия заканчивает год никому не должной ни копейки. Это заслуга – ПУАК» (ГАПК. Ф. 680. Оп. 1. Д. 5. Л. 44). ПУАК уступила Пермской комиссии УОЛЕ часть занимаемого помещения для организации музея и библиотеки, наняла сторожа для охраны и помогла в приобретении мебели и ламп.

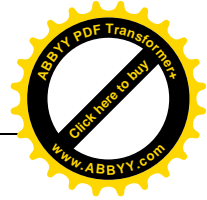
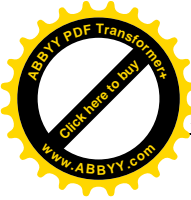
В отдельные моменты пермские научно-краеведческие общества достигали компромисса. Поводом к объединенному собранию послужила организация выставки древностей Пермского края для просвещения уральской провинции. Другое объединенное собрание прошло благодаря содействию Московского археологического общества (МАО), которое в 1888 г. предложило секретарю УОЛЕ О. Е. Клеру принять участие в составлении Археологической карты России. Лично ему поручалась разработка восточной части Пермской губернии, пермяку Ф. А. Теплоухову – западной, помощь им оказывал уральский краевед К. И. Фаддеев.

Краеведческое сообщество Урала отличалось тесными межличностными связями. Его участники одновременно состояли в нескольких историко-краеведческих обществах и совмещали работу в них с чиновничьими обязанностями, осуществляя коммуникации с официальными структурами. Продемонстрируем эту особенность провинциального историко-краеведческого сообщества на примере деятельности знаковых фигур уральских историко-краеведческих центров – Перми и Оренбурга.

Унтер-офицер и губернский секретарь Руф Гаврилович Игнатъев состоял членом Уфимского и Оренбургского статистических комитетов. В 1855 г. он за провинности в чиновничьей службе был направлен в Оренбург в качестве рядового батальона Оренбургского линейного полка [Роднов, 2009, с. 17]. Выйдя в отставку в 1858 г., Игнатъев увлекся историей и вступил в российские исторические общества: Московское археологическое, историческое и этнографии при Казанском университете, Императорское минералогическое общество, Императорское Вольное экономическое общество и Оренбургский отдел Императорского Русского географического общества (ИРГО). Кроме того, он являлся членом Уфимского попечительного комитета о бедных (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 29) и состоял действительным членом Вятского, Пермского и Тобольского губернских статистических комитетов. Особенно активно Игнатъев сотрудничал с Вятским губернским статистическим комитетом. Приобретенный авторитет его позволил в 1882 г. занять должность редактора неофициальной части газеты «Оренбургские губернские ведомости», где помещались статьи местных краеведов. По долгу службы Р. Г. Игнатъев контактировал с пермским краеведом В. Н. Шишонко, оренбургским краеведом и редактором неофициальной части газеты «Оренбургские губернские ведомости» П. Н. Распоповым и редактором оренбургской газеты И. И. Евфимовским-Мировицким.

Василий Никифорович Шишонко, переехав в сентябре 1863 г. в Пермь, занял должность инспектора врачебной управы и городского врача. В Перми Василий Никифорович занимался педагогической деятельностью. В Оренбургском учебном округе В. Н. Шишонко был инспектором народных училищ Екатеринбургского уезда, директором народных училищ Пермской губернии. В 1868–1876 гг. служил секретарем Пермского губернского статистического комитета, члены которого были равнодушны к истории местного края. Видимо, после работы в статистическом комитете В. Н. Шишонко заинтересовался краеведением и посчитал необходимым основать краеведческое общество в Перми. Это занятие его настолько увлекло, что он вошел в Русское географическое и Московское археологическое общества. По замечаниям биографов В. Н. Шишонко, в Перми он был известен как опытный врач, педагог, управленец. Однако историки его знали больше как археографа, фольклориста, этнографа и основателя Пермской губернской ученой архивной комиссии. Василий Никифорович, обладая широким спектром знаний, реализовался и как краевед.

В Оренбургском учебном округе должность директора народных училищ Оренбургской губернии занимал преподаватель истории и географии Павел Николаевич Распопов. Он, как и В. Н. Шишонко, зарекомендовал себя как активный деятель губернского статистического комитета, организатор статистико-экономических и демографических исследований в крае. П. Н. Распопов из-

бирался членом Смитсоновского института в Вашингтоне (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 89. Л. 2). Вместе с Р. Г. Игнатьевым он стоял у истоков архивного дела в Оренбургской губернии, являясь активным участником комиссий по разбору генерал-губернаторского архива и организатором Оренбургской ученой архивной комиссии. Оба они поддерживали историко-краеведческие инициативы и активно включались в совместную работу. Например, в честь 50-летия со времени посещения А. С. Пушкиным Оренбурга П. Н. Распопов, являясь председателем драматического отдела Оренбургского общества любителей музыкального и драматического искусства, организовал праздник. В этом ему помогал Р. Г. Игнатьев: он собрал большое количество воспоминаний оренбургских старожилов о жизни поэта в Оренбурге [Оренбургские губернские ведомости, 1883]. Таким образом, взаимодействие чиновников в краеведческом сообществе происходило во благо общественному развитию.

Будучи редактором газеты, Р. Г. Игнатьев взаимодействовал с коллегой, также основоположником и действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК), И. И. Евфимовским-Мировицким (ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 51). Последний из названных краеведов-чиновников состоял редактором газет «Оренбургские епархиальные ведомости» и «Оренбургский листок», а также был секретарем Оренбургской духовной консистории. Одновременно он являлся сверхштатным чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Н. А. Крыжановском, гласным городской Думы, мировым судьей, членом-сотрудником Оренбургского отдела ИРГО, действительным членом Оренбургского статистического комитета [Зобов, 1991].

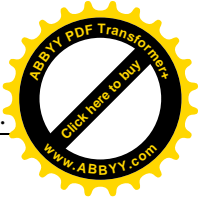
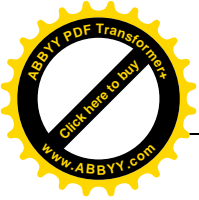
Р. Г. Игнатьев, В. Н. Шишонко, И. И. Евфимовский-Мировицкий и П. Н. Распопов участвовали в работе Императорского Московского археологического общества, где выступали с сообщениями об археологических древностях, имеющихся на Урале. Утверждаясь в качестве активистов на краеведческом поприще, они формировали круг исследователей-единомышленников.

Научно-исследовательские, культурные, интеллектуальные связи, сложившиеся в Уральском регионе, становились основой сохранения взаимодействия с его культурной средой для тех, кто в силу служебных обязанностей вынужден был выехать за его пределы. Ряд краеведов-исследователей (А. А. Диваев, А. И. Добросмыслов, М. Л. Юдин, А. И. Мякутин, И. А. Кастанье) продолжали научную и служебную карьеру в Туркестанском крае [Тугай, 2012]. Однако они оставались действительными членами ОУАК и публиковали свои исследования в «Трудах» [Юридический быт киргизов, 1911]. И. А. Кастанье, будучи членом Туркестанского археологического кружка, в 1916 г. передал в музей ОУАК важные археологические находки, обнаруженные в Уральской области для дальнейшего изучения. М. Л. Юдин, находясь на службе в Туркестанском крае, по поручению ОУАК составил библиографию Оренбургского края [Юдин, 1902, с. 1–50].

Важную роль в развитии Уральского региона играли промышленный комплекс и присутствие специалистов-иностранцев. Именно их потомки составляли часть передовой общественности, выступая проводниками культурного влияния в уральской провинции. Создателем и председателем Оренбургской ученой архивной комиссии был генерал-лейтенант Оренбургского казачьего войска П. П. Бирк, действительными членами этой комиссии состояли промышленник А. Р. Оберлендер, лютеранский пастор И. К. Штенцель, Д. К. Дик, И. П. Кинсбург, Г. К. Шморель, генерал-губернатор М. М. Эверсман, известный оренбургский фотограф К. А. Фишер, редактор «Тургайских ведомостей» И. И. Крафт [Бахарева, 2006, с. 13–16].

Основатель и бессменный секретарь Уральского общества любителей естествознания О.Е. Клер приехал в Россию из Швейцарии. Его европейские связи содействовали обмену научными изданиями уральских историко-краеведческих обществ и ведущих зарубежных учреждений – Гарварда, Варшавской библиотеки, Венского антропологического общества и др. Большую активность в этом направлении проявили УОЛЕ и Оренбургский отдел ИРГО.

Поскольку многие краеведы являлись представителями чиновничьего аппарата, они активно осуществляли так называемую «неофициальную», «необязательную» деятельность, зафиксированную, например, в системе их полномочий Положением о Государственном статистическом комитете (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.). Она была направлена на популяризацию и пропаганду местных исторических знаний в провинциальном обществе. Реализуя эту функцию, историко-краеведческие общества организовывали выставки и чтение лекций для провинциальных обывателей. Своей главной целью большинство краеведов считали просвещение народа и повышение его интеллектуального уровня, так как народ являлся фундаментом государства. Представители про-

светильских обществ стремились восполнить пробелы в официальной системе образования, активно участвовали в библиотечном и общественно-педагогическом движениях. Горизонтальные связи с провинциальным социумом осуществлялась через созданные историко-краеведческими обществами музеи: «Музей древностей» (музей ОУАК), Пермский музей.

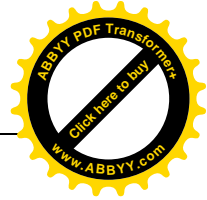
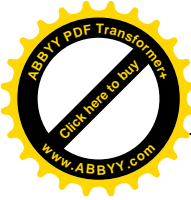
По инициативе историков-краеведов Пермской ученой архивной комиссии для пермской общественности с 1891 г. проводились платные публичные лекции профессиональных историков. Перед провинциальной публикой выступали А. А. Кизеветтер с лекцией «Русское общество Московской Руси и реформа Петра Великого» (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 201. Л. 1–79), Н. А. Рожков с лекцией «Город и деревня в Русской истории» (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 207. Л. 1–6). Лекция Н. А. Рожкова «Психология общества и хозяйственный строй в их взаимных отношениях» была запрещена попечителем Оренбургского учебного округа И. Я. Ростовцевым (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 207. Л. 11а).

В 1894 г. ПУАК совместно с Пермской комиссией УОЛЕ организовали бесплатную археологическую выставку (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 8. Л. 37). Выставка была позитивно воспринята провинциальным обществом. Об этом свидетельствовали активно поступавшие пожертвования. Положительный отзыв организаторы выставки получили от петербургского археолога уроженца Вятской губернии А. А. Спицына. Он подчеркивал, что за две недели работы выставки ее ежедневно посещала масса горожан и приезжих. В ней приняли участие многие члены УОЛЕ и около 6 тыс. местных жителей. Городская интеллигенция получила возможность прослушать публичную лекцию о чудских древностях, прочтенную накануне открытия выставки Ф. А. Теплоуховым. На лекции присутствовали около 300 слушателей. Публика проявила большой интерес. Особенно желанными посетителями выставки были крестьяне. Представленные большой группой, они «приятно выделялись своей толковостью и любознательностью» (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 8. Л. 41).

Важную роль в коммуникативных практиках историко-краеведческих обществ играли их всероссийские и региональные съезды. Можно считать, что именно они формировали контактную зону, где социально ориентированное знание соприкасалось с научным знанием. В этом пространстве краевед непосредственно входил в контакт с профессиональным знанием. Всероссийские съезды исторических обществ проводились в Москве, Киеве, Харькове, Твери. В их работе принимали участие и краеведы, и университетская профессура, совместными усилиями воспитывавшие образованную общественность. Всероссийские съезды исторических обществ становились площадкой установления научных связей уральских краеведов с профессиональными историками. Инструментом поддержания контактов являлась переписка, как наиболее оперативный, доступный и эффективный неформальный канал коммуникации.

В провинциальном социуме большую роль в выстраивании отношений с известными историками играли студенческие, земляческие и родственные связи. Примером может послужить научная переписка известного петербургского историка М. И. Ростовцева и оренбургского историка-краеведа А. В. Попова [Тугай, 2005, с. 346]. Семья крупного археолога и антиковеда некоторое время проживала в Оренбурге. Отец Михаила Ивановича – Иван Яковлевич Ростовцев – был просветителем и общественным деятелем, знатоком античности. Заметную роль в общественной жизни города сыграла мать М. И. Ростовцева – Мария Ивановна. В доме Ростовцевых часто собирался цвет оренбургской интеллигенции, где и произошло знакомство Михаила Ивановича, гостившего у родителей, с А. В. Поповым, краеведом-археологом. Александр Владимирович помогал ученому в изучении «оренбургских древностей», выполнял всю техническую работу по сбору материала для исследования Ростовцева (ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 115. Л. 113–113 об.). Этот труд Михаил Иванович высоко ценил, о чем свидетельствует выражение благодарности в предисловии к книге [Ростовцев, 1918] и письмах Ростовцева.

Благодаря Ростовцеву отношения с краеведом А. В. Поповым в 1916–1917 гг. начал поддерживать не менее известный столичный антрополог, этнограф и археолог С. И. Руденко, занимавшийся исследованием башкир на Южном Урале. Письма свидетельствуют о постоянной научной связи всех трех персон – Ростовцева, Руденко и Попова, продолжавших исследования, несмотря на сложную ситуацию в стране, вызванную Первой мировой войной и последовавшими революциями. Коммуникативная стратегия историков-профессионалов позволяла познакомиться с необходимыми для изучения источниками, находящимися в Оренбурге. Обычной была практика обмена археологическим материалом с другими обществами, музеями и исследователями. Это подтверждает пись-

мо Руденко от 2 октября 1916 г., в котором он просил Попова выслать некоторые археологические артефакты (черепки сосудов) в Петроград и сфотографировать необходимые ему находки (ГАОО. Ф. 96. Оп.1. Д. 95. Л. 54–55). Таким образом, переписка позволяла профессиональным историкам совместно с краеведами дистанционно решать исследовательские задачи.

Земляческие связи историка Н. А. Рожкова также сыграли важную роль в углублении интереса к истории в интеллектуальном пространстве Перми. Николай Александрович родился в обедневшей дворянской семье. Его отец был учителем уездного училища в Верхотурье Пермской губернии. Окончив историко-филологический факультет Московского университета в 1890 г., он вернулся в родную Пермь, где в 1891–1897 гг. преподавал древние языки в губернской (мужской классической) гимназии. В фундаментальной библиотеке этой гимназии было богатое собрание книг по русской истории. Интересно, что именно здесь Н. А. Рожков, будучи учеником В. О. Ключевского, готовился к магистерскому экзамену, по итогам которого получил должность приват-доцента. Однако связь с Уралом он не прерывал.

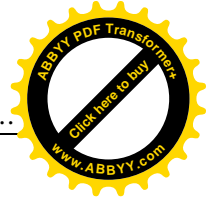
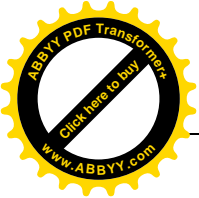
В эти же годы историю и географию в Пермской мужской гимназии преподавал А. А. Дмитриев, о трудах которого Н. А. Рожков впоследствии активно отзывался. Одновременно А. А. Дмитриев начал издавать свой главный труд – «Пермскую старину». Вероятно, Н. А. Рожков тогда и познакомился с этой работой. Будучи преподавателем Московского университета, Н. А. Рожков в конце февраля – начале марта 1902 г. по инициативе председателя ПУАК прочел курс публичных лекций «Город и деревня в русской истории», который посетили 449 человек. Деньги за лекции (в размере 33 руб. 40 коп.) были переданы им комиссии (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 201). Н. А. Рожков и в дальнейшем поддерживал деловые отношения с ПУАК и ее председателем В. С. Малченко. С последним историк познакомился на съездах Московского археологического общества (МАО)⁵.

К ученикам В. О. Ключевского относится и А. А. Кизеветтер. Его судьба также была связана с Уралом. Семья историка переехала в Оренбург, когда Александру Александровичу было два года. Большое влияние на формирование у него интереса к истории оказали отец⁶ и учитель истории и географии Оренбургской мужской гимназии Н. Е. Северный⁷, с которым в будущем А. А. Кизеветтер состоял в продолжительной переписке [Государственный архив Тульской области. Ф. 149. Оп. 1. Д. 35]. Северный участвовал в работе Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Таким образом, интерес к истории прививался будущему историку семьей [Кизеветтер, 1996], а также формировался в интеллектуальной среде оренбургской провинции. В эмиграции он вспоминал, что в Оренбурге сложилось довольно значительное «интеллигентское общество». А. А. Кизеветтер не терял связей с Уралом, выступая с лекциями в Перми и ведя активную переписку с пермским краеведом В. С. Малченко.

Уральские краеведы переписывались и с другими представителями профессиональной науки – Д. И. Иловайским, В. Е. Якушкиным (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 66. Л. 1–2; Д. 85, 136. Л. 1–6; Д. 201. Л. 49а); А. И. Соболевским, И. А. Шляпкиным, А. С. Лаппо-Данилевским (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 114, 144), В. С. Иконниковым (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 83). С краеведческими организациями активно сотрудничал С. Ф. Платонов. К 1916 г. он состоял членом 16 ГУАК Российской империи [Кузнецов, 2012, с. 246]. Будучи участником авторитетных столичных императорских обществ, Платонов выступал посредником между провинциальными и столичными историками⁸. Если, например, В. О. Ключевский, А. А. Шахматов только числились почетными членами комиссий, то Сергей Федорович вел очень активную деятельность в их составе [Кузнецов, 2011, с. 124]. Во время съездов обществ С. Ф. Платонов познакомился с пермскими исследователями и выступил в прениях по докладу В. С. Малченко.

Известна переписка представителей уральских историко-краеведческих обществ с иностранными специалистами. В частности, председатель ПУАК вел переписку об обмене изданиями с финским языковедом и фольклористом Юрье Йоосеппи Вихманом, внесшим значительный вклад в изучение языка, фольклора и этнографии народов коми (Письмо Финно-угорского общества Гельсингфорса 10.05.1905).

Переписка авторитетных ученых с местными историками-любителями, в которой выражалось одобрение их деятельности и содержалась доброжелательная критика, служила формой их научного вознаграждения и инструментом психологической поддержки исследователя. Показательно, что после Археологического съезда в Киеве (1899 г.) профессор В. С. Иконников высоко

оценил труды пермских краеведов. В письме к В. С. Малченко от 3 декабря 1902 г. он писал, что их публикации очень полезны специалистам, интересующимся вопросами местной истории (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 83. Л. 1–2). В 1903 г. он благодарил В. С. Малченко за присланные работы пермских краеведов, подчеркивая, что пермская история и ее древности его очень интересовали (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 83. Л. 4–7). Подобные факты положительно воздействовали на местных любителей старины, которые с еще большим энтузиазмом продолжали свои начинания.

Переписка в среде краеведов, а также выходящая за пределы региона – с профессиональными историками, выступала способом передачи знаний, проверки уровня компетенции, самоанализа исследовательской деятельности. К тому же письма становились площадкой научной рефлексии. В них раньше, чем в публикациях, анализировались результаты работы. Рецензирование проводилось по двум линиям – в рамках краеведческого сообщества, т.е. краеведами, а также за пределами краеведческой корпорации, т.е. профессионалами. Фактически тексты переписки содержали анализ многих краеведческих работ, осуществленный как профессионалами, так и историками-краеведами. Многие публикации отличал реферативный стиль, а нередкие заимствования из других исследований превращали некоторые из них в компиляции, что затрудняло авторам занять самостоятельную позицию. В подобных работах доминировали эмпирика, перегруженная второстепенными деталями, неграмотное или формальное использование терминов, некорректное воспроизведение фрагментов чужого текста, присвоение выводов других историков. На нарушение исследовательских стандартов краеведам указывали столичные и уральские историки.

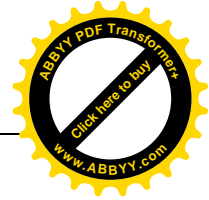
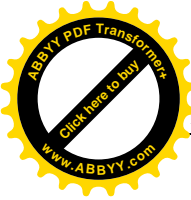
Важным каналом связи и одновременно показателем эрудиции представителей не только разных областей знания, но и поколений историков и краеведов выступало цитирование. Оренбургские краеведы часто дословно цитировали «Гопографию Оренбургскую» П. И. Рычкова, «Исторический очерк» В. Н. Витевского, «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска» Ф. М. Старикова, пермские краеведы – труды авторитетных пермских исследователей – А. Е. Теплоухова, Н. К. Чупина, В. Н. Шишонко, А. А. Дмитриева. Для историков-краеведов были важны ссылки на тексты специалистов – С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. И. Иловайского, Н. Г. Устрялова.

Использование в исследовании краеведа фрагментов работ других авторов демонстрировало одновременно широту его познаний в интересующей проблеме. Наиболее эксклюзивные тексты краеведы цитировали практически полностью, создавая, порой, своего рода хрестоматию. Цитирование (иногда обильное) свидетельствовало об опытности краеведа в исследовательской практике. В переписке и рецензиях оценивались его точность и корректность. Нарушение правил и этики исследования осуждалось в среде ученых-историков и краеведов. В одном из писем уральский историк В. Н. Витевский обвинял краеведа Ж.-А. Кастанье в неточности приводимых цитат и присваивании чужого текста и выводов (ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Л. 86 в). В другой рецензии историк Н.К. Чупин уличал краеведа Р.Г. Игнатьева в ссылке на его неизданную книгу «Статистический сборник: Урал и Сибирь», которую, вероятно, Игнатьев мог видеть в его личной библиотеке [Чупин, 1870].

Рецензии вызывали реакцию авторов, которая часто рождала продолжительную полемику. Примером ее являются эмоциональные и продолжительные дискуссии оренбургских краеведов Н. М. Чернавского и А. И. Добросмыслова по поводу рецензируемой работы «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем», краеведа И. А. Кастанье и историка Н. И. Веселовского о роли И. И. Неплюева в истории Оренбурга, а также реакции столичного ученого мира на крупные исторические работы уральских историков А. А. Дмитриева, В. Н. Витевского, Н. К. Чупина [Боже, 1996; Оренбургский листок, 1894], (ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 57. Л. 3–68; Д. 39. Л. 86 в – 88; Д. 111а. Л. 145–147; ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 136; Л. 39 об. – 40).

Краеведы в этих полемиках стремились отстоять свое видение вопроса и сохранить индивидуальную позицию любителя-исследователя. Интеллектуальные поединки были частым явлением на заседаниях обществ и в переписке коммуникантов [Труды ОУАК, 1902], хотя предметом спора нередко выступали незначительные ошибки и опечатки, допущенные в краеведческих исследованиях. Примером могут служить обвинения Хантинского в адрес Добросмыслова по поводу неправильного написания фамилии одного из оренбургских краеведов – Кайранского [Добросмыслов, 1894. Л. 39 об. – 40].

Исходя из протокольных записей заседаний историко-краеведческих обществ, можно заметить, что иногда они проходили в крайне напряженной обстановке. Продолжительными дискуссиями

ями сопровождалась рецензии на исторические исследования. Вступая в полемику, краевед использовал все возможные средства для защиты своего мнения. Краеведы, в частности, были склонны удревять события или явления местной истории (ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 19. Л. 2). Например, имея в виду данные монографии В. Витевского, П.Ю[дин] пишет: «Во втором выпуске на странице 220 автор, ни на чем не основываясь, первое появления яицких казаков на Яик относит к 1584 г., между тем как исследовано в позднейшее время («Новое слово» 1894 г., № 1, 184), что они появились там в 1576 г. Потом на странице 222 по сказкам, очевидно, Рычковской «Топографии» он описывает подданство этих казаков России во времена царя Михаила Фёдоровича... Следовательно, какая же может идти речь о подданстве яицких казаков России, да еще в царствования Михаила Фёдоровича?» (ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 – 2 об.).

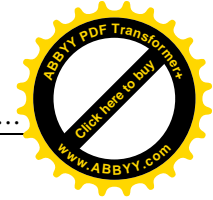
Переписка не только отражала сиюминутные реакции на происходившие события, но и фиксировала систему аргументов, оценок тех или иных событий и идей, позволяя реконструировать характер коммуникативных отношений и восприятие актуальных для краеведов событий в сфере науки. Письма известных русских историков наполнены позитивным восприятием и оценками трудов уральских краеведов, что следует расценивать как признание полезности их деятельности. Например, в переписке В. С. Малченко и А. И. Соболевского проявились переживания председателя ПУАК и его оценка предстоящей архивной реформы: «Признаюсь, мне совсем и не по душе этот проект положения о ГУАК, я совсем о другом мечтал и на другое уповал. Неужели реформа осуществит беззащитно существующих ГУАК» (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 114. Л. 1).

Нельзя не отметить, что в ходе письменной полемики краеведы иногда обнаруживали ревнивое и даже негативное отношение к столичным ученым, вызванное их широкой известностью, более комфортными условиями работы.

Проанализировав большой объем переписки членов различных уральских историко-краеведческих обществ, определим основные цели этой коммуникации. Во-первых, благодаря переписке с учеными и научными обществами в историко-краеведческом сообществе происходил обмен книгами, брошюрами, журналами, отчетами, т.е. разрешалась проблема нехватки на местах научных, учебных и методических материалов. В переписки обсуждались и определялись условия пользования книгами и лекциями. Во-вторых, через переписку устанавливались неформальные отношения краеведов и профессионалов. В одном из писем, например, историк А. А. Кизеветтер просил председателя ПУАК В. С. Малченко «пристроить» в Перми ссыльного студента. В другом письме В. С. Малченко расспрашивал А. И. Соболевского о подробностях предстоящих реформ ГУАК. В-третьих, внутренняя переписка краеведов становилась способом решения злободневных хозяйственных, научных, административных вопросов. В частности, этому посвящена переписка УОЛЕ и его Пермского отделения. Примечательна переписка председателя УОЛЕ О. Е. Клера и пермяка-археолога С. И. Сергеева как пример коммуникации членов одного общества, но разных центров Пермской губернии – в Екатеринбурге и Перми.

Основным способом формальной коммуникации всех интересовавшихся древней историей страны, позволяющим заявлять о своих научных приоритетах, вступать в диалог с предшественниками и читателями, оставались краеведческие публикации (в виде статей в периодических, продолжающихся изданиях, а также монографий). Как заметил В. А. Бердинских, в это время узкая специализация местных историков отсутствовала, чаще всего они в течение своей жизни занимались практически всеми основными темами местной истории [Бердинских, 2003, с. 279]. Материал по рассматриваемым нами уральским губерниям вполне подтверждает это наблюдение.

Таким образом, коммуникативные площадки, каналы и практики провинциального историко-краеведческого сообщества способствовали освоению его представителями норм и ценностей профессии историка. Научное общение завязывалось на заседаниях местных историко-краеведческих обществ и расширялось на всероссийских съездах историков. Провинциальный историк включался в коммуникационную сеть, позволяющую постоянно обмениваться информацией, следить за миром науки и получать отзывы о своих исследованиях. Коммуникативные каналы в форме рецензий и цитирования давали возможность краеведам приобщаться к основам научно-исследовательской деятельности. Однако вполне определенная граница, разделявшая профессиональное и краеведческое сообщества историков, сохранялась.

Примечания

¹ В нашей статье термину «краевед» соответствует дефиниция «историк-краевед». Под историками-краеведами мы понимаем непрофессиональных исследователей, занимающихся в свободное от основной работы время изучением истории определенной местности. Как правило, это представители провинциальной интеллигенции – учителя, врачи, чиновники. Их занятия историей имели любительский характер. Они не приносили дохода исследователям, а удовлетворяли их интерес к истории, который имел социально ориентированный характер. Понятие «историк-краевед» коннотативно идентифицируется с «любителями» местной истории, «местными эрудитами», «местными историками», «провинциальными историками».

² Проблема научной «профессионализации местного исторического знания» рассматривается в указанной монографии С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцевой, что для анализируемых аспектов представляет особую методологическую значимость.

³ Профессиональные исторические занятия в то время были интересны провинциальному обществу. Поэтому представители уральской интеллигенции активно выписывали для себя столичные исторические журналы. Так, известный историк А. А. Кизеветтер во время учебы в Оренбургской мужской гимназии (1875–1884 гг.) имел возможность познакомиться на страницах «Русской старины» с блестящим диспутом при защите докторской диссертации В. О. Ключевского.

⁴ Например, судя по протоколу 1911 г., заседание Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК) включало отчет о работе ОУАК, отзыв А. П. Гра на исследование действительного члена ОУАК И. П. Кречетовича, посвященного отмене крепостного права в Российской империи, сообщение-презентацию И. С. Шукшинцева «Эпизоды из эпохи крепостного права в том же крае» и доклад М. Н. Николаева «История закрепощения крестьян в России».

⁵ В годы работы Н. А. Рожкова в Перми они знакомы не были, В. С. Малченко был переведен в Пермь из Рязани в качестве члена Пермского окружного суда в 1899 г.

⁶ Отец историка Александр Иванович Кизеветтер (?–21.12.1890) – военный юрист. После переезда в 1868 г. из Петербурга в Оренбург он являлся членом Совета Оренбургского военного округа от Военного министерства (1868–1884), имел чин тайного советника. Старший Кизеветтер проявлял интерес к истории, выписывал журналы историко-научной ориентации, активно участвовал в общественной жизни Оренбурга. Будучи лютеранином, с 1878 г. занимал должность президента лютеранского церковного совета Оренбурга [Денисов, 2013, с. 42; Шпаковская, 2003].

⁷ Северный Николай Емельянович (1837–1918) – сын священника, преподаватель истории и географии, краевед, статский советник, член-корреспондент Московского археологического общества, первый исследователь топонимики и историограф Тульского края. Образование получил в Харьковском университете на историко-филологическом факультете (окончил в 1864 г.). В 1875–1881 гг. преподавал историю и географию в гимназии г. Оренбурга.

⁸ Историк был знаком с сотней краеведов, провинциальных археологов и архивистов. Об этом свидетельствуют письма, адресованные ученому и хранящиеся в его личном фонде, большую часть которого составляет корреспонденция из провинции. В отделе рукописей РНБ, в личном фонде С. Ф. Платонова, размещено 7120 единиц хранения (ОР РНБ. Ф. 585).

Список источников

Витевский В. Ответ моему рецензенту П. Ю. на книгу «И. И. Неплюев и Оренбургский край», написанную в Казани 19 июля 1897 г. // Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 96. Оп. 1. Д. 57. Л. 3–68.

ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 95, 115; Ф. 164. Оп. 1. Д. 89.

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 297. Оп. 4. Д. 66, 83, 85, 114, 136, 144, 201.

Государственный архив Тульской области. Ф. 149. Оп. 1. Д. 35.

Иконников В. С. Письма о присланных 3 и 4 выпусках трудов Пермской ученой архивной комиссии // ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 83. Л. 1–2.

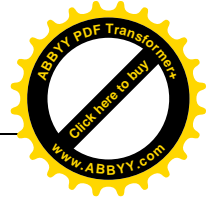
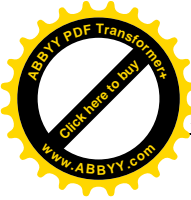
Кастанье И. А. Письмо из Ташкента от 5 сентября 1913 г. по поводу отзыва Веселовского на его труд // ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 39. Л. 86в – 88.

Критика статьи В. Витевского «о каменных бабах» // ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 111а. Л. 145–147.

Отчет о составе и деятельности Оренбургской Ученой Архивной Комиссии за 1913 г. // ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 51.

Переписка В. Витевского и П. Юдина // ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 – 2 об.

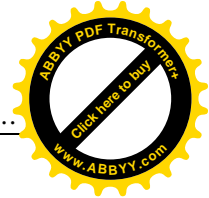
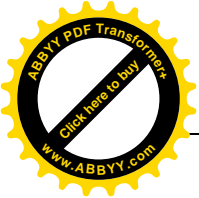
Переписка с Петербургским археологическим институтом о сборе исторических документов и их охране, об обмене изданиями // ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 8. Л. 37.

Письмо Финно-угорского общества Гельсингфорса 10.05.1905 г. // ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 197.
Положение о ГСК // ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.
Программа 6 публичных лекций приват-доцента Московского университета Н. А. Рожкова
«Город и деревня в Русской истории» // ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 207. Л. 1–6.
Публичные лекции и курсы по истории русского государства, психологии и искусству, прочи-
танные в Перми // ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 201.
Рожков Н. А. Рецензия на «Пермскую летопись» В. Н. Шишонко // ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 136.
Ростовцев И. Я. Переписка о запрете публичной лекции // ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 207. Л. 11а.
Сведения Оренбургского уездного статистического комитета // ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 29.

Библиографический список

Алеврас Н. Н. Что такое «историографический быт»? Из опыта разработки и внедрения исто-
риографической дефиниции // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы /
ред. Л. П. Репина. М., 2011.
Бахарева О. Я. Немецкая диаспора Оренбурга в трудах ОУАК // Российские немцы: науч.- ин-
форм. бюллетень. М., 2006. № 2 (46).
Бердинских В. А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003.
Боже В. С. Н. М. Чернавский – летописец оренбургского края // Оренбургское казачье войско.
Культура. Быт. Обычаи: сб. науч. тр. / под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск, 1996.
Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.; М.,
2005.
Ванюшева К. В. Научные коммуникации в российской провинциальной археологии (конец XIX
– 20-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2014. URL:
<http://tataroved.ru/institut/dissovet/ob/2/> (дата обращения: 09.05.2014).
Денисов Д. Н. Организация религиозной жизни лютеран оренбургского края в 1767–1936 гг. //
Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность (к 245-летию образования пер-
вой протестантской общины в регионе): матер. междунар. и всерос. науч.-практ. конференций.
Оренбург, 2013.
Добросмыслов А. И. Заметки к статье майора Хантинского «Отношения окружности груди и
длины корпуса к росту лошади, как критерии для оценки пригодности ее к верховой езде и во-
зовой службе» // Оренбург. листок. 1894. № 18.
Зобов Ю. С. Историки Южного Урала. Вторая половина XIX – начало XX в.: учеб. пособие.
Оренбург, 1991.
Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996.
Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с
англ. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск, 2002.
Корзун В. П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического
исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–
XXI вв.: сб. статей / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск,
2011.
Кузнецов А. А. Особенности свидетельств пребывания С. Ф. Платонова в Нижнем Новгороде в
1916 г. // Матер. VI нижегород. межрегион. архивоведч. конф. «Человек и документ». Н. Нов-
город, 2011.
Кузнецов А. А. Провинциальная историография России первой трети XX в.: Альтернативы раз-
вития и реализованные возможности // Ист. познание и историогр. ситуация на рубеже XX –
XXI вв. М., 2012.
Луман Н. Понятие общества. URL: [http:// www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/luman/
ron_ob.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/luman/ron_ob.php) (дата обращения: 15.07.2014).
Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Историографический источник как факт интеллектуальной
биографии историка // Историк в историческом и историографическом времени: матер. между-
нар. форума, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора А. С. Шофмана. 13–15 нояб. 2013
г. / сост., отв. ред. Г. П. Мягков. Казань, 2013а.
Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное
историописание. Орехово-Зуево, 2013б.

Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Социально ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве: приглашение к дискуссии // Ист. познание и историограф. ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012а.

Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб.ст./ сост., ред. А. Е. Загребин, О. М. Мельникова. Ижевск, 2012б.

Мякутин А. И. Юридический быт киргизов: Вещное право. Обязательственное право. Оренбург, 1911.

Оренбург. губерн. ведомости. 1883. № 2–5.

Оренбург. листок. 1894. № 18.

Роднов М. И. Судьба редактора: ист.-док. повесть. Уфа, 2009.

Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918.

Труды ОУАК. Оренбург, 1902. Т. 9.

Тугай Т. И. Архивный героизм оренбургского краеведа // Уральские Бирюковские чтения. Вып. 3: Из истории российской интеллигенции / ред. проф. С. С. Загребин. Челябинск, 2005.

Тугай Т. И. Представители оренбургской губернской администрации и краеведческих обществ в изучении Казахстана и Средней Азии (втор. пол. XIX – нач. XX в.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.

Чупин Н.К. Критика работ Игнатьева. К истории Кунгура // Пермские губернские ведомости. 1870. № 7. 10 янв.

Шпаковская М. А. А. А. Кизеветтер в отечественной историографии: дис. ... докт. ист. наук. М., 2003.

Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, вып. 1. URL: <http://www.old.jourssa.ru/> (дата обращения: 15.07.2014).

Штихве Р. К генезису мирового общества – инновации и механизмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, вып. 3. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1999/3/5stichw.html> (дата обращения: 15.07.2014).

Юдин М. Л. Оренбуржцы в войнах 1812–1814 гг. Ташкент, 1912.

Юдин М. Л. Положение торговли со Среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // Тр. Оренбург. учен. архивной комиссии. Оренбург, 1902. Вып. 9.

Дата поступления рукописи в редакцию 29.09.2014

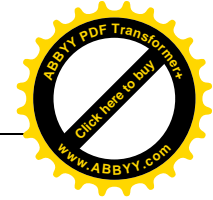
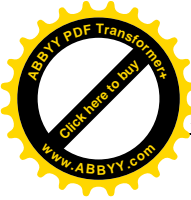
FROM AMATEURISM TO SCIENCE: PECULIARITIES OF THE URAL LOCAL HISTORIANS AND PROFESSIONAL SCHOLARS' COMMUNICATION

T. A. Nabokina

Institute for Education in Humanities, Chelyabinsk State University, 454001, Chelyabinsk, Bratiev Kashirinykh st., 129

nabokina.tatyana@gmail.com

The paper is devoted to the processes of communication between the Ural local historians and professional academics. Different motivation of local historians contributed to diverse academic contacts. Communication played an important role in forming local historians' personalities and value orientations. The author analyses both the system of internal communications between local historians and their relationships with professional scholars. The paper draws attention to the interaction of two types of knowledge: socially oriented knowledge, which is connected with the activities of local historians, and academic one, represented by professional scholars. The complexity of relationships between the two types of knowledge manifests itself in the pursuit of local amateur historians to replicate professional researchers' experience. Due to the absence of professional scholars in province, local historians initiated communication practices with academics. The author states that communicative platforms, channels and practices of provincial local history community helped to develop norms and values of historical profession. Provincial historians

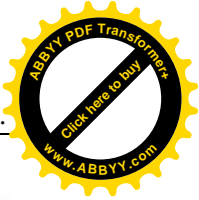
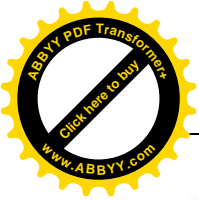

were involved in communicative networks, allowing continuous exchange of information, monitoring the state of historical studies and getting feedback concerning their researches. Formal and informal communication was a way of connecting local historians to the professional community. Local historians had an opportunity to involve in research activities due to reviews and citing. However, a well-defined border separating the professional community of historians and local historians was preserved.

Key words: communication, local history, local history societies, local historian, historians of the Urals, correspondence, reviews, discussion.

References

- Alevras N. N. Chto takoe «istoriograficheskiy byt»? Iz opyta razrabotki i vnedreniya istoriograficheskoy definitsii. *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy* / red. L. P. Repina. M., 2011.
- Bakhareva O. Ya. Nemetskaya diaspora Orenburga v trudakh OOUAK. *Rossiyskie nemtsy: nauch.-inform. byulleten'*. M., 2006. № 2 (46).
- Berdinskikh V. A. Uezdnye istoriki: russkaya provintsial'naya istoriografiya. M., 2003.
- Bozhe V. S. N. M. Chernavskiy – letopisets orenburgskogo kraya. *Orenburgskoe kazach'e voysko. Kul'tura. Byt. Obychai: sb. nauch. tr.* / pod red. A. P. Abramovskogo. Chelyabinsk, 1996.
- Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva / per. s fr., obshch. red. N. A. Shmatko. SPb.; M., 2005.
- Chupin N. K. Kritika rabot Ignat'eva. K istorii Kungura. *Permskie gubernskie vedomosti*. 1870. № 7. 10 yanv.
- Denisov D. N. Organizatsiya religioznoy zhizni lyuteran orenburgskogo kraya v 1767–1936 gg. *Protestantizm v Orenburgskom krae: istoriya i sovremennost' (k 245-letiyu obrazovaniya pervoy protestantskoy obshchiny v regione): mater. Mezhdunar. i Vseros. nauch.-prakt. konferentsiy*. Orenburg, 2013.
- Dobrosmyslov A. I. Zametki k stat'e mayora Khantinskogo «Otnosheniya okruzhnosti grudi i dliny korpusa k rostu loshadi, kak kriterii dlya otsenki prigodnosti ee k verkhovoy ezde i vozovoy sluzhbe». *Orenburg. listok*. 1894. № 18.
- GAOO. F. 96. Op. 1. D. 95, 115; F. 164. Op. 1. D. 89.
- Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya (GAPK). F. 297. Op. 4. D. 66, 83, 85, 114, 136, 144, 201.
- Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti. F. 149. Op. 1. D. 35.
- Ikonnikov V. S. Pis'ma o prislannykh 3 i 4 vypuskakh trudov Permskoy uchenoy arkhivnoy komissii. *GAPK*. F. 297. Op. 4. D. 83. L. 1–2.
- Kastan'e I. A. Pis'mo iz Tashkenta ot 5 sentyabrya 1913 g. po povodu otzyva Veselovskogo na ego trud. *GAOO*. F. 96. Op. 1. D. 39. L. 86v – 88.
- Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie. SPb., 2001.
- Kizevetter A. A. Na rubezhe dvukh stoletiy: Vospominaniya 1881–1914. M., 1996.
- Kollinz R. Sotsiologiya filosofiy. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya / per. s angl. N. S. Rozova i Yu. B. Vertgeym. Novosibirsk, 2002.
- Korzun V. P. Kommunikativnoe pole istoricheskoy nauki: novye rakursy istoriograficheskogo issledovaniya. *Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury XVIII–XXI vv.: sb. statey / pod red. N. N. Alevras, N. V. Grishinoy, Yu. V. Krasnovoy*. Chelyabinsk, 2011.
- Kritika stat'i V. Vitevskogo «o kamennykh babakh». *GAOO*. F. 96. Op. 1. D. 111a. L. 145–147.
- Kuznetsov A. A. Osobennosti svidetel'stv prebyvaniya S. F. Platonova v Nizhnem Novgorode v 1916 g. *Mater. VI nizhegorod. mezhtregion. arkhivovedch. konf. «Chelovek i dokument»*. N. Novgorod, 2011.
- Kuznetsov A. A. Provintsial'naya istoriografiya Rossii pervoy trety XX v.: Alternativy razvitiya i realizovannye vozmozhnosti. *Ist. poznanie i istoriogr. situatsiya na rubezhe XX – XXI vv.* M., 2012.
- Luman N. Ponyatie obshchestva. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/luman/pon_ob.php
- Malovichko S. I., Rumyantseva M. F. Istoriograficheskiy istochnik kak fakt intellektual'noy biografii istorika. *Istoriya v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni: mater. Mezhdunar. foruma, posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. S. Shofmana*. 13–15 noyab. 2013 g. / sost., otv. red. G. P. Myagkov. Kazan', 2013a.
- Malovichko S. I., Rumyantseva M. F. Istoriya kak strogaya nauka vs sotsial'no orientirovannoe istoriopisanie. *Orekhovo-Zuevo*, 2013b.
- Malovichko S. I., Rumyantseva M. F. Sotsial'no orientirovannaya istoriya v aktual'nom intellektual'nom prostranstve: priglazhenie k diskussii. *Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv.* M.: Institut vseobshchey istorii RAN, 2012a.
- Malovichko S. I., Rumyantseva M. F. Terminologicheskie problemy izucheniya istorii lokusa. *Regional'naya istoriya, lokal'naya istoriya, istoricheskoe kraevedeniya v predmetnykh polyakh sovremennogo istoricheskogo znaniya: sb.st.* / sost., red. A. E. Zagrebin, O. M. Mel'nikova. Izhevsk, 2012b.
- Myakutin A. I. Yuridicheskiy byt kirgizov: Veshchnoe pravo. Obyazatel'stvennoe pravo. Orenburg, 1911. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. 1883. № 2–5. *Orenburgskiy listok*. 1894. № 18.

- Otchet o sostave i deyatelnosti Orenburgskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii za 1913 g. *GAOO*. F. 96. Op. 1. D. 51.
- Perepiska s Peterburgskim arkhologicheskim institutom o sbore istoricheskikh dokumentov i ikh okhrane, ob obmene izdaniyami. *GAPK*. F. 297. Op. 4. D. 8. L. 37.
- Perepiska V. Vitevskogo i P. Yudina. *GAOO*. F. 96. Op. 1. D. 19. L. 2 – 2 ob.
- Pis'mo Finno-ugorskogo obshchestva Gel'singforsa 10.05.1905 g. *GAPO*. F. 297. Op. 4. D. 197.
- Polozhenie o GSK. *GAOO*. F. 164. Op. 1. D. 1. L. 2 ob.
- Programma 6 publichnykh lektsiy privat-dotsenta Moskovskogo universiteta N. A. Rozhkova «Gorod i derevnya v Russkoy istorii». *GAPK*. F. 297. Op. 4. D. 207. L. 1–6.
- Publichnye lektsii i kursy po istorii russkogo gosudarstva, psikhologii i iskusstvu, prochitannye v Permi. *GAPK*. F. 297. Op. 4. D. 201.
- Rodnov M. I.* Sud'ba redaktora: ist.-dok. povest'. Ufa, 2009.
- Rostovtsev I. Ya.* Perepiska o zaprete publichnoy lektsii. *GAPK*. F. 297. Op. 4. D. 207. L. 11a.
- Rostovtsev M. I.* Kurgannye nakhodki Orenburgskoy oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma. Pg., 1918.
- Rozhkov N. A.* Retseziya na «Permskuyu letopis'» V. N. Shishonko. *GAPK*. F. 297. Op. 4. D. 136.
- Shpakovskaya M. A. A. A.* Kizevetter v otechestvennoy istoriografii: dis. ... dokt. ist. nauk. M., 2003.
- Shtikhve R.* Ambivalentnost', indifferentnost' i sotsiologiya chuzhogo. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 1998. T. 1, vyp. 1. URL: <http://www.old.jourssa.ru/>
- Shtikhve R.* K genezisu mirovogo obshchestva – innovatsii i mekhanizmy. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 1999. T. 2, vyp. 3. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1999/3/5stichw.html>
- Svedeniya Orenburgskogo uezdnoy statisticheskogo komiteta. *GAOO*. F. 164. Op. 1. D. 29.
- Trudy OUA. T. 9. Orenburg, 1902.
- Tugay T. I.* Arkhivnyy geroizm orenburgskogo kraevedy. *Ural'skie Biryukovskie chteniya* / red. prof. S. S. Zagrebin. Vyp. Z. Iz istorii rossiyskoy intelligentsii. Chelyabinsk, 2005.
- Tugay T. I.* Predstaviteli orenburgskoy gubernskoy administratsii i kraevedcheskikh obshchestv v izuchenii Kazakhstana i Sredney Azii (vtor. pol. XIX – nach. XX v.). *Vestnik OGU*. 2012. № 5.
- Vanyusheva K. V.* Nauchnye kommunikatsii v rossiyskoy provintsial'noy arkheologii (konets XIX – 20-e gg. XX v.): dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2014. URL: <http://tataroved.ru/institut/dissovet/ob/2/>
- Vitevskiy V.* Otvet moemu retsenzentu P. Yu. na knigu «I. I. Neptyuev i Orenburgskiy kray», napisannuyu v Kazani 19 iyulya 1897 g. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (GAOO)*. F. 96. Op. 1. D. 57. L. 3–68.
- Yudin M. L.* Orenburzhtsy v voynakh 1812–1814 gg. Tashkent, 1912.
- Yudin M. L.* Polozhenie torgovli so Sredneaziatskimi khanstvami do zanyatiya Turkestanskogo kraya. *Tr. Orenburg. uchen. arkhivnoy komissii*. Vyp. 9. Orenburg, 1902.
- Zobov Yu. S.* Istoriki Yuzhnogo Urala. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.: ucheb. posobie. Orenburg, 1991.